

ного представления о массовой литературе, в том числе о так называемой литературе второго и третьего ряда. В ней наиболее интересными для экспозиции представляются судьбы и произведения женщин-писательниц. Помимо Авдотьи Яковлевны Панаевой, самой известной из женщин — сотрудниц «Современника», выставка обратит внимание посетителей на таких авторов, как К. К. Павлова (1807—1893), А. Д. Блудова (1813—1891), Н. П. Шаликова (1815—1878), С. П. Соболева (ок. 1840—1884), О. П. Павлова (1832—1896), А. А. Кирпищикова (1838—1927), А. П. Студзинская (1823—1892), Е. П. Воронова (ок. 1825—1881), Н. С. Соханская (1823 (или 1825) — 1884), Е. В. Салиас-де-Турнемир (1815—1892). Задачи, которые будут решаться на выставке: показать исторический контекст этого явления отечественной литературы; показать те произведения женщин, которые публиковались на страницах журнала, обратить внимание на биографический, культурный и географический моменты; по возможности отразить восприятие современников. Предполагается, что выставка будет состоять из нескольких тематических блоков: положение женщины в первой половине XIX века (хозяйственные заботы, круг женского чтения и др.); персоналии: события биографии, первопечатные тексты произведений, критика; восприятие современников (мемуары). Информативным ядром выставки будут номера журнала «Современник» за указанный период с первопечатными текстами произведений; далее будут экспонироваться журналы, содержащие посвященные им критические статьи. Для создания эмоциональной атмосферы на выставке будут использованы типологические музейные вещи и предметы, характеризующие женщину.

Доклады дневного заседания были посвящены изучению литературного контекста и частных аспектов поэтики.

Т. П. Баталова (Санкт-Петербург) в докладе «Стихотворение Н. А. Некрасова „Балет“: К поэтике сюжета» показала, что данное произведение, написанное в стиле сатирического фельетона, является своеобразным итогом в изображении противопоставления высших и низших сословий русского общества. Здесь это историческое явление выражено на разных структурных уровнях поэтического сюжета: художественного простран-

ства (театр и вся Россия), материального положения (блеск «звезд» и «бриллиантов» — «мерзлые лапотки», «шуба нагольная»), нравственности («идеал их — телец золотой» и «суровые сердца», способные «разобрать» тяжелую «кладь»). Заглавие стихотворения и его эпиграф — из «Евгения Онегина» Пушкина — подчеркивают оторванность «довольных и сытых» от насущных проблем народной жизни.

В докладе «К столетию создания статьи Г. В. Плеханова „Похороны Н. А. Некрасова“», написанной к 40-летию со дня смерти поэта, Г. В. Федянова (Санкт-Петербург) отметила ценность работы Плеханова и как исторического документа, и как литературного текста со сложной жанровой природой. При сопоставлении статей Плеханова «Некрасов» (1902) и «Похороны Некрасова» (1917) показаны особенности отношения критика к личности и творчеству поэта, вызванные социальными тенденциями, характерными для второй половины 1870-х годов. Подчеркивается постоянство эстетических оценок поэзии Некрасова и неизменность его социально-политических взглядов на творчество поэта. Вместе с тем прослежена эволюция взглядов Плеханова на роль Пушкина в русской культуре.

Г. П. Талашов (Санкт-Петербург) в своем докладе «Один эпизод из жизни Фаддея Булгарина» обратился к очерку прозаика и журналиста А. П. Башуцкого (1803—1876) «Водовоз», который вызвал резко отрицательную реакцию императора Николая I, так как описывал крайне опасную и нищенскую жизнь рабочих. Ф. В. Булгарин, явно по подсказке властей, в ответ поместил в «Северной пчеле» свой очерк «Водонос», рисующий чуть ли не райскую жизнь этого сословия петербуржцев.

Большая часть докладов сопровождалась дополнительными вопросами и репликами. В обсуждении итогов научной конференции участники выразили удовлетворение общей работой. Фонограмма четырех заседаний хранится в архиве группы по изучению биографии и творчества Некрасова. Материалы конференции предполагается поместить в очередном выпуске «Некрасовского сборника».

© М. Ю. Степина

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

V Международная молодежная конференция «Текстология и историко-литературный процесс» (10—12 марта 2016 года) на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова собрала исследователей из

научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Коломны, Киева (Украина), Тарту (Эстония), Токио (Япония) и Хельсинки (Финляндия). Литературоведы, лингвисты и историки, участвовавшие в конфе-

ренции, посвятили свои выступления древнерусской словесности, классической и современной русской и зарубежной литературе. При общем интересе к текстологической проблематике докладчики продемонстрировали широкий круг методологических подходов — от лингвистического анализа текста до компаративного изучения литературных процессов. Конференция была открыта напутственным словом В. Б. Катаева, заведующего кафедрой истории русской литературы МГУ, и презентацией очердного сборника «Текстология и историко-литературный процесс» (Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей / Под ред. А. О. Бурцево, Ю. И. Красносельской, Л. А. Новицкас, А. Н. Першкиной, А. С. Федотова. М.: Буки Веди, 2016. Вып. IV), содержащего работы участников прошлогодней конференции. Программа по традиции совмещала хронологический и проблемный принципы и открывалась докладами по древней словесности.

Д. О. Шаров (Москва) в докладе «К вопросу о прямой речи в Киевском летописном своде конца XII в.» показал разницу в использовании понятий политической риторики, таких как честь, старейшинство, отцовство и т. п. в речи князей и летописца Киевского летописного свода конца XII века. Обыденное употребление слов у летописца противопоставлено характерному для политической риторики словоупотреблению у князей, что опровергает концепцию позднейшей стилизации речи князей летописцами и указывает на то, что в летописи могли вноситься точные записи реальных речей, произнесенных князьями или их посланцами.

Н. А. Демичева (Москва) выступила с докладом «Образ Ионы Новгородского в агрографической и летописной традициях XV—XVI вв.», в котором проанализировала неоднозначную трактовку образа архиепископа. В новгородской агрографической «Повести об Ионе, архиепископе Новгородском» Иона представлен миротворцем, наделенным добродетелями, тогда как в Псковской III летописи архиепископ изображен мздоимцем и сребролюбцем. Негативное отношение псковичей к архиепископу объясняется ухудшением отношений между Новгородом и Псковом с 1460-х годов. Особое внимание докладчица уделила жанровым особенностям повести, отличающейся от традиционного жития.

В докладе К. В. Вершинина (Москва) «Послание Климента Смолятича и толковые сборники» были введены в научный оборот две ранее не известных выписки из послания Климента Смолятича, датируемые XV и XVI веками. Один из важнейших памятников русской книжности домонгольского периода до недавнего времени был известен в двух пространных списках, нескольких фрагментах и выписках. Обнаруженные исследователем выписки подобны друг другу и находятся в ближайшем родстве со списком

XVII века, найденным С. Ю. Темчиным в 2015 году в Вильнюсе. Гипотеза Темчина, что вильнюсский список, который содержит утраченные в пространных списках куски текста, можно отнести к древнейшим свидетельствам послания, не подтвердилась. Докладчик установил, что все три новонайденных «вторичных» списка восходят к древней подборке толковых текстов, созданной не позднее начала XIII века и содержавшей выписки из послания Климента с сохранением имени митрополита — подобной чести в экзегетических сборниках не заслужил ни один другой славянский автор.

О. А. Кузнецова (Москва) обнаружила следы московской виршевой традиции в поэтике стихотворной редакции потешной повести «Сказание о куре и лисице» начала XVIII века. Докладчица указала сходства на лексическом уровне: язык повести и язык виршевой поэзии сочетают немаркированную, книжную и фольклорного происхождения лексику. Повесть и виршевая поэзия близки и риторически, в частности, для обеих характерен прием словесного поединка героев, в которых обнаруживается стилистическое и синтаксическое сходство. Все это, по мнению исследовательницы, говорит об начальной ориентации текста повести на традицию приказной школы виршеписания XVII века.

Е. К. Кузнецова (Санкт-Петербург) обратила внимание слушателей на проблему соотношения понятий любовь и брак в российских переводных романах середины XVIII века. В начале века любовь — атрибут брака, заповеданного Богом. В 1730 году В. К. Тредиаковский совершил для русского читателя «географическое открытие» острова Любви, переведя галантный роман П. Тальмана. Любовь предстает здесь самоценной частью человеческой жизни. В середине века М. С. Бегичев перевел «Подлинное известие о славнейшей крепости, называемой Склонность...», где через военизированную метафору (женщина — это крепость, которую необходимо штурмовать по всем правилам военного искусства, чтобы добиться согласия на брак), предпринял попытку совместить любовь и брак, не прибегая к помощи высших сил.

В выступлении Е. А. Базиной (Колонна) были представлены результаты текстологического анализа «Описания Московской губернии 1781 г.». При составлении «Описания...» использовались самые разнообразные материалы — от легенд до статистических сведений. Докладчица проанализировала различия в известных на сегодняшний день списках текста: особенности почерка, орфографии и подробности анализа экономического положения региона. В итоге была высказана теория, что в дальнейшем текст «Описания...» лег в основу словарных статей «Нового и полного географического словаря Российского Государства, или Лексикона,

описующего азбучным порядком (...) достопамятные места обширной Империи Российской».

Томоо Канадзава (Санкт-Петербург—Япония) в докладе «О „Детском музее“ в отзывах „Северной почты“ (К теме «Роль немецкой литературы в истории русского Просвещения»)» проанализировала рецензии газеты «Северная почта» (1809—1819) на ежемесячный иллюстрированный журнал «Детский музей». В газете, главным редактором которой был О. П. Козодавлев, в молодости студент Лейпцигского университета, отмечалось наличие немецкого прототипа «Детского музея» (последний, действительно, ориентировался на издание для детей «Das Bilderbuch für Kinder» Ф.-Ю. Бертуха). Исследовательница выявила, что при этом «Детский музей» составлялся также с опорой на известный к тому времени в России опыт преподавания иностранных языков чешским педагогом Я. А. Коменским.

А. И. Мартыненко (Москва) в докладе «К издательской истории „Стихотворений Евгения Баратынского“ 1827 г.» сравнила редакции текстов, вошедших в сборник. Согласно наблюдениям исследовательницы, степень правки Баратынским стихотворений не зависела от «возраста» ранней редакции. Наиболее существенные изменения поэт вносил, чтобы добиться смысловой связи отдельного текста со всеми остальными текстами в сборнике. Еще одним фактором, объясняющим правку, может быть постепенный отход поэта от элегической традиции.

Е. А. Яцук (Санкт-Петербург) охарактеризовала литературную позицию газеты «Московский городской листок» (1847), рассказав о социальных предпочтениях издателя В. Н. Драшусова, полемике вокруг «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя на страницах издания и принципах отбора материалов для публикации. Исследовательница обратила внимание на стремление редакции придерживаться корректности в газетной полемике, представлять противоположные точки зрения, соблюдать идеологическое равновесие и т. д.

Е. П. Ольховая (Санкт-Петербург), выступившая с докладом «Славянофильство и славяне в текстах Ф. В. Чижова: дневники и публикации», сопоставила «Записки путешественника по славянским странам» (1857) Ф. В. Чижова с дневниковыми записями автора, которые легли в основу «Записок». Проанализировав текстовые модулы, докладчица заметила, что историко-философские рассуждения, перемежающиеся с повествовательными фрагментами, которые обусловлены обращением Чижова к жанру травелога, используются в качестве переходов, а также придают «Запискам...» единство.

В докладе К. В. Сарычевой (Москва) «А. Л. Волынский vs. Н. К. Михайловский: к истории одной полемики» была рассмот-

рена полемика, кульминация которой припала на 1893—1894 годы и стала следствием смены идеологии журнала «Северный вестник» и отмежевания от него народников. Волынский стремился выстроить новую историю русской критики, нападая при этом в своих очерках на бывших единомышленников, в частности на Михайловского. Сам Волынский также стал объектом резкой критики и насмешек со стороны М. А. Протопопова, В. Г. Короленко, А. М. Скабичевского. Со стороны новых единомышленников Волынского, «идеалистов», в 1893 году в полемику включился В. В. Чуйко, давний противник Михайловского. Итогом полемики стало окончательное размежевание «идеалистов» и «народников». «Северный вестник» стал приютом символистов, которых Волынский активно привлекал к участию.

М. А. Петровских (Санкт-Петербург) в докладе «Рецепция рассказов Н. В. Успенского в русской критике и категория типического» представила анализ основных газетных и журнальных отзывов на произведения писателя. Было продемонстрировано, что критики по-разному оценивали творчество Успенского с точки зрения проблемы типизации. Некоторые авторы считали ее одним из основных свойств прозы Успенского и ставили писателя в один ряд с В. И. Далем. Другие критики утверждали, что типизация для Успенского не характерна, и сопоставляли с писателями-разночинцами. Докладчица пришла к выводу, что на примере рецепции критиками творчества Успенского можно не только проследить, как менялось понимание типического образа критиками, но и описать значение этих изменений в процессе трансформации эстетической системы.

Доклад Артема Шели (Эстония) был посвящен количественному исследованию длины стихотворений русской поэзии XVIII—XX веков на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Анализ среднего и медианного значения длины показал, что «популяция русской поэзии становилась короче на протяжении XIX века» и стабилизировалась в эпоху модернизма, когда окончательно доминировать в популяции стали формы длиной в 3—5 катренов. Эта короткая форма лирики, как считает исследователь, оказалась успешной в борьбе за читательское внимание в период, когда «пространства» поэтического языка быстро сокращались под давлением больших нарративных форм XIX века и гегемонии реалистических конвенций.

В докладе Д. Д. Шарاپовой (Москва) «О черновиках Достоевского сквозь призму бульварного жанра» были проанализированы различные элементы бульварных произведений (сюжетные повороты, особенности характеров и т. д.), не попавшие в окончательную редакцию романа «Идиот»: неудавшиеся самоубийства, сложные семейные связи геро-

ев, пожар (чрезвычайно популярный мотив бульварной литературы, который сочетает в себе зрелищность, уничтожение улики, смуту, массовые беспорядки) и др.

О. В. Макаревич (Санкт-Петербург) в докладе «Становление образа „праведника“ в творчестве Н. С. Лескова и „повести с предпрятиями“ поставила вопрос о влиянии «повестей с предпрятиями» на замысел лесковских «рассказов о праведниках». Она отметила расплывчатость понятия «повести с предпрятиями», встречающегося в текстах Лескова различных жанров. Несмотря на негативную оценку этого жанра писателем (в новонайденной рецензии на книгу И. В. Мальяревского «Василий Чабан»), в рассказах цикла «Праведники» имеется ряд мотивов и образов, восходящих к нему. В рассказах о «праведниках» Лесков как бы доводит до логического завершения образ добродетельного героя, досказывая до конца, «что было бы, если бы предприниматель не умер».

В выступлении А. С. Перниковой (Санкт-Петербург) «Характеристика гублики в заметках А. Н. Островского о театре и комедия „Последняя жертва“» была определена точка зрения писателя на воспитательную функцию театра: постановка определенных пьес способна приблизить зрительское понимание происходящего на сцене к пониманию авторскому. Докладчица сопоставила концепт публики, созданный драматургом в статьях и других текстах, с фигурирующим в пьесе «Последняя жертва» образом Наблюдателя и пришла к выводу, что Островский стремился не только фиксировать отношение публики к происходящему, но и провоцировать определенную реакцию у зрителя.

О. В. Овчарская (Санкт-Петербург) в докладе «Антоша Чехонте: зарождение стиля» проанализировала приемы ранней чеховской прозы, тесно связанные с поэтикой и установками юмористических журналов, в которых печатался Чехов. Исследовательница продемонстрировала, что писатель использует приемы малой прессы на свой лад. Деминутивы в его ранней прозе многофункциональны, заглавия многозначны; часто в ранних текстах сложно определить повествовательную инстанцию — рассказчик это или повествователь. Кроме того, в отличие от других авторов малой прессы, Чехов часто использует сравнения, причем обычно они позволяют охарактеризовать героя через его поведение.

Б. В. Цымбал (Украина) описал сложности комментирования переписки М. С. Грушевского на примере опыта атрибуции нераскрытого конспиративного псевдонима «Асап». Он фигурирует в переписке Грушевского с А. Я. Конисским и А. И. Лотоцким, а также представлен в виде подписи отправителя нескольких писем, хранящихся в архиве Грушевского. На основании содержания писем, реконструкции биографии Асапа и изучения биографии членов подпольного молодежного киевского объединения, к которому имели

отношение участники переписки, докладчик делает предположение, что Асап — это И. Ю. Черкасский.

В. В. Филичева (Санкт-Петербург) в докладе «Война и мир в 1912 году» проанализировала «Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом» (в соавторстве с А. Н. Чеботаревским), приуроченные к 100-летию Отечественной войны. Докладчица обратила внимание на особенности трансформации прозаического текста в пьесу: Сологуб стремится отобразить внутреннюю жизнь персонажа в диалогах, что зачастую кардинально меняет образ героя, несмотря на то что язык романа Толстого сохранен на протяжении почти всей пьесы. Это, а также вынужденные сокращения сюжета и переказы событий, меняет весь строй романа, переводя эпическое творение Толстого в мелодраматическую плоскость.

В. И. Буяновская (Москва) в докладе «Пространство чувствительности в „Сентиментальном путешествии по Франции и Италии“ Л. Стерна в контексте английских травелогов середины XVIII в. и романа „Тристам Шенди“» сопоставила перечисленные произведения. На примере «Путешествия по Франции и Италии» Т. Смоллетта и «Писем из Италии» С. Шарпа было показано, как формировался жанровый канон травелога. В «Тристаме Шенди» Стерн предпринял попытку деконструировать его, пародируя и доводя до абсурда привычные штампы подобных произведений. Писатель продолжил разрабатывать этот жанр уже в следующем своем произведении «Сентиментальное путешествие», на этот раз не разрушая канон, а пытаясь наполнить его новым содержанием. В итоге у Стерна травелог выполняет уже не этнографическую задачу. Путешествие необходимо ему для разработки характеров.

С. А. Бакаева (Москва) обратила внимание слушателей на то, что классические произведения используются в современной французской литературе весьма разнообразно. Рецепция становится основным приемом у К. Барош, К. Милле, К. Анго, М. Дарьесек, которые предлагают читателю новую трактовку сюжетов известных авторов XVI—XVIII веков. Например, роман «Опасные связи» Ш. де Лакло (1781) отрефлексирован в романе «Зима красоты» (1987) К. Барош. Автор «присваивает» главную героиню классического текста, сочиняет для нее новую сюжетную линию, оставаясь при этом в канве романа-предшественника.

Е. В. Тупова (Москва) рассмотрела структуру поэмы Д. Самойлова «Струфиан» (1974), в которой соотносятся образы «старцев» (Л. Н. Толстой и Федор Кузьмич) и А. И. Солженицына, и продемонстрировала аллюзивные аспекты текста. В поэме два актуальных вопроса — социальная утопия и побег от ответственности. Второй из них показан через сопоставление судьбы Александ-

ра I с судьбой персонажа романа-эпопеи «Красное Колесо» («Узел I — Август Четырнадцатого»; 1973). Полемика с последним текстом прослеживается также в статье «Александр Исаевич» (1991), где Самойлов отмечает «искривление» толстовской философии у Солженицына.

В докладе «„Чайка“ А. П. Чехова в интерпретации А. В. Эфроса: сценический и драматический тексты» Д. Д. Савинова (Москва) попыталась объяснить, почему театральные критики называли постановку Эфроса «античеховской». Исследовательница продемонстрировала отличия сценического и драматического текста, из которых видно, как режиссер менял пьесу под свой замысел. Для подтверждения гипотез использовались материалы из опубликованных дневников и записок режиссера. Из этих документов видно, что Эфрос был недоволен тем, как драматург выстраивает действие, утверждая, что если точно следовать Чехову и всем его ремаркам, то спектакль местами получится слишком «лобовым и примитивным».

А. В. Сысоева (Санкт-Петербург), рассуждая об истории создания Ф. Сологубом произведений о фабричной работнице Вере Карпуниной, выявила причины, по которым Сологуб, проявлявший большой интерес к новому искусству кино, выбирал определенные тексты для экранизации. Докладчица рассмотрела историю жанровых трансформаций одного сюжета: сначала Сологуб создал драму (она не была закончена), затем переработал ее в роман «Заклинательница змей», причем в определенный период работу над текстами драмы и романа вел параллельно, наконец, написал киносценарий. Особое внимание было уделено раннему этапу работы, который предшествовал выбору жанра; этот этап был рассмотрен как пример схемы создания произведения.

Доклад Рикку Тойволы (Финляндия) «К „археологии“ перформанса Александра Вертинского: сцены из фильма „Заговор обреченных“» был посвящен участию Александра Вертинского в работе над сценарием фильма, в котором артист исполнял роль кардинала. В письмах 1949 года, написанных жене при подготовке к роли, Вертинский сообщал, что сам полностью переписывал предложенные ему реплики. Сравнив несколько вариантов сценария и итоговый фильм, исследователь подтвердил это сообщение, установив, что артист самостоятельно менял исходный текст, в том числе переставляя слова и добавляя паузы. Таким образом, анализ роли Вертинского в фильме «Заговор обреченных» позволяет уточнить связь между текстом, исполнением и эстрадным образом артиста.

В докладе «„Изображая жертву“ Пресняковых: от пьесы к роману» Т. Ю. Кудрявцева (Воронеж) рассмотрела все существующие на данный момент редакции этого произведения. «Каноническим», законченным

«Изображая жертву» становится с появлением «гамлетовского сюжета». И если в первом варианте пьесы, представленном на Эдинбургском театральном фестивале, ключевым, сюжетообразующим оказывается соперничество между отцом и сыном, то во втором, «мхатовском» (а также в фильме и романе), где отец главного героя предстает в образе призрака, — на первый план выходит конфликт мужского и женского. Женская природа, которая изначально призвана давать новую жизнь, у Пресняковых не «созидает», а убивает, лишает жизни.

Выступление М. А. Кривошеиной (Москва) было посвящено литературному ежемесячнику В. Раппопорта «Аргус», выходящему в 1913—1917 годах. Развивая беглое наблюдение Г. Пилиева о возможном сходстве оформления и стилистики «Аргуса» и лондонского «The Strand», докладчица рассмотрела журнал Раппопорта как своеобразный англофильский проект редактора. Специальному анализу в этой связи был подвергнут эпизод сотрудничества журнала с А. Конан Дойлем, эксклюзивные права на публикацию переводов которого принадлежали «Аргусу». Также были изучены особенности отбора некоторых прочих зарубежных авторов. За редкими исключениями (вроде Дойля), ими оказывались неизвестные в России англоязычные писатели, многие из которых были авторами «The Strand», что порой анонсировалось прямо. Докладчица предположила, что, исходя из разобранных эпизодов, можно сделать вывод о возможных западных образчиках Раппопорта (а также о его потенциальных контактах с английскими и американскими авторами и издателями).

В докладе А. С. Пахомовой (Санкт-Петербург) «Литературное объединение эмоционалистов в дневниках Михаила Кузмина» были проанализированы история и манифесты эмоционалистов — малоизвестного петроградского литературного объединения начала 1920-х годов, в которое входили Ю. Юркун, К. Вагинов, А. и С. Радловы, А. Пиотровский, О. Тизенгаузен и др. В докладе было показано, что вопреки расхожему мнению о тактической природе этого краткосрочного литературного союза, его участники продемонстрировали высокую степень единства эстетических принципов и установок. Дневники Кузмина позволяют существенно пересмотреть его роль в объединении эмоционалистов, а также под другим углом взглянуть на процесс формирования и функционирования литературных объединений 1920-х годов.

А. В. Богомоллова (Москва) предприняла попытку проблематизации понятия «мировой литературы» в советской прессе 1930-х годов на материале газеты «Правда» и «Литературной газеты». Анализ форм и контекстов употребления понятия в публицистике этого периода позволил выдвинуть тезис о его нетерминологической природе и

подвижности значения в связи с политической прагматикой. Так, в судьбе понятия «мировая литература» отразился ряд противоречивых тенденций, характерных для советской культуры 1930-х. С одной стороны, открытость, космополитизм как часть советской идеологии, с другой, националистический и тоталитарный характер внутренней политики СССР.

Д. М. Бреслер (Санкт-Петербург) в своем докладе «„Избранное“, „Самосожжение“: проблема публикации поэтического творчества Рюрика Ивнева» обратил внимание слушателей на проблему публикации наследия поэта. Корпус стихотворений Ивнева очень широк и включает тексты, написанные в разные историко-литературные периоды (экспрессионизма, имажинизма, эгофутуризма, оттепельного лиризма, «датской» поэзии брежневского времени и т. д.). Выявить отношение самого поэта к отбору стихотворений сложно: ему не было присуще цикловое мышление, и большая часть его сборников строилась по хронологическому принципу. Однако все они характеризуются единством мотивного состава стихотворений, стабильностью метрической системы. Докладчик показал, что для создания репрезентативной подборки необходимо ориентироваться на литературно-социальную стратегию Ивнева, и попытаться определить ее, используя опубликованные стихотворные и мемуарные тексты, а также архивные материалы из частных и государственных собраний.

А. В. Кокорин (Санкт-Петербург) рассказал в докладе «Автор, наборщик и корректор в работе над прижизненными изданиями „Зависти“ Ю. К. Олеси» о текстологических проблемах, возникших перед ним при подготовке романа к печати. При жизни Олеси произведение издавалось двенадцать раз, изменения, которые при переиздании вносились в текст, затрагивают среди прочего смысл отдельных фраз и эпизодов. Докладчик попытался установить, кем в каждом конкретном случае производилась правка, и имел ли к ней непосредственное отношение сам Олеша. В результате сопоставления всех прижизненных нестереотипных изданий «Зависти» исследователь выявил ошибки наборщиков и корректоров, случаи редакторской правки, а также составил список разночтений, не только изменяющих смысл текста романа, но и влияющих на восприятие авторского стиля Олеси.

А. А. Агапов (Санкт-Петербург) в выступлении «„Москва—Петушки“ Венедикта Ерофеева: проблемы публикации» представил результаты изучения истории текста. Докладчик обратился к различным источникам и сверил тексты значимых изданий поэмы. Основной проблемой оказалось определение статуса многочисленных правок произведения (Ерофеев делал их в разные годы и в разных обстоятельствах — это и рукописные исправления в экземплярах зарубежных изда-

ний, и исправления, внесенные в текст первых отечественных публикаций) и их отношения к первоначальному тексту.

А. Д. Муждаба (Санкт-Петербург) посвятил свое выступление экспериментальному роману Геннадия Гора «Корова» (1930) («„Корова“ Геннадия Гора: опыт эксплуатации неопубликованного текста в ситуации литературного процесса начала 1930-х гг.»). При жизни автора он не был опубликован: по-видимому, произведение не прошло предварительный отбор «Издательства писателей в Ленинграде», в частном порядке Гору рекомендовали его не печатать. Докладчик реконструировал то, как Гор стремился использовать свой авангардный роман в период, который предшествовал окончательной нормализации литературного процесса после 1934 года. Отдельные фрагменты и сюжеты «Коровы» Гор публиковал, изменяя и помещая в метаповествовательные контексты, в большей мере отвечающие требованиям времени. Эти наблюдения позволяют проследить изменение прагматических установок автора в работе над текстом.

Лекция специального гостя А. В. Вдовина (Москва) «„Неведомый мир“: как сегодня изучать репрезентацию крестьян в русской литературе XIX в.» была посвящена современным методам исследования. Рассмотрев концепцию А. М. Эткинда о внутренней колонизации, а также разработки его предшественников: Ж. Донован о литературе местного колорита, Ю. Вебера о формировании французской нации, А. Цинк о метафоре народного тела, — Вдовин обратил внимание на то, что три ключевых концепта упомянутых исследователей (имперскость, колониализм, модернизация) не выявляют уникальности репрезентации крестьян в разных литературах, а лишь сводят проблему к понятию тотальной внутренней колонизации. Рассказав о собственной работе над каталогом текстов о русских крестьянах 1830—1861 годов, лектор в качестве методологических решений предложил сочетание нескольких подходов: исследование эстетических режимов; анализ поэтики текста как инструмента репрезентации; метод корпусного исследования, для которого необходимо сформировать корпус текстов о крестьянах; типологический анализ с выявлением новых для русской сюжетики элементов (отличающихся от сюжетов об образованных сословиях); исследование того, как формировались представления о русской идентичности в прозе о крестьянах (рассказы о крестьянах создают устойчивый образ русского человека, соединяющий антиэстетические, на первый взгляд, стороны: сюжеты о праведниках могут соседствовать с демифологизирующими сюжетами о насилии).

В рамках конференции прошли три презентации. А. С. Федотов (Москва) представил новое издание «„Современник“ против „Москвитянина“». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов»

(СПб., 2016), подготовленное совместно с К. Ю. Зубковым и А. В. Вдовиным. В книге представлена полемика так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин» с петербургской журналистикой в лице «Современника». Тексты статей сверены с сохранившимися автографами. Объемный комментарий включает сведения о ходе полемики, об истории идей и используемых эстетических понятий. Вступительная статья контекстуализирует полемику и описывает ее место в историко-литературном процессе середины XIX века.

М. С. Макеев (Москва) рассказал о «Грешневской тетради» (Ярославль, 2015) Н. А. Некрасова — первом факсимильном издании рукописи поэта, хранящейся в НИОР РГБ и содержащей беловые автографы поэм «Несчастные», «Тишина», «Коробейники» и другие тексты. Структура издания подчинена двум задачам: представить рукопись как объект музейного типа, максимально приблизив ее к читателю, и показать развитие творческого замысла поэта от первого автографа к последующим вариантам, отказавшись от идеи основного текста и полностью представив его историю в комментарии, а специфику и порядок работы — во вступительной статье. Особенности рукописи отражены в подробной дипломатической транскрип-

ции с воспроизведением орфографии, зачеркиваний и наклона строк. В справочный аппарат включен глоссарий, в котором объяснены непонятные выражения, необходимые для понимания текста.

Б. В. Орехов (Москва) продемонстрировал текстологически ориентированную электронную систему «Текстограф», запуск которой планируется в ближайшее время. Система позволяет соотносить конкретные фрагменты загруженных рукописей с их расшифровкой и предоставляет широкий инструментарий для текстологического анализа многослойной правки. Среди перспективных функций системы можно отметить поиск начертания слова в рукописи, визуализацию творческой истории текста, возможности для реконструкции редакций. Электронная среда «Текстографа» даст возможность представить рукопись как динамически развивающийся текст, отразить последовательность правки, особенности развития авторского замысла.

© Л. А. Новицкас,
© А. Н. Першкина,
© А. С. Федотов,
© Е. И. Чумаченко